

— Встаньте с Тянью позади меня.

Мо Сяюнь проявлял заботу о Мо Чанфэне, и каждое его действие показывало, как он ценит своего сына.

Именно благодаря этому Мо Чанфэн, несмотря на слабое здоровье, оставался законным наследником, и никто не смел сплетничать за его спиной или льстить другим.

— Хорошо.

Ворота родового храма были закрыты. В семьях культиваторов храм открывали только на Новый год для проведения ритуалов в честь предков или в таких случаях, как сегодня, когда старший сын и его жена должны были быть внесены в родовую книгу.

— Открыть храм.

Мо Сяюнь произнёс это спокойно, одновременно с этим выполняя заклинание. В мгновение ока он активировал тридцать две печати, снимая защитные заклинания.

Цзи Уя стоял рядом и внимательно наблюдал за действиями Мо Сяюня. Очевидно, семья Мо обладала немалыми ресурсами.

Для простого родового храма было установлено тридцать две печати, и без знания способа их снятия даже культиватор этапа изначального младенца не смог бы их преодолеть.

Ворота храма были массивными и простыми, без каких-либо украшений, но когда Мо Сяюнь активировал печати, на них загорелись символы, указывающие на то, что защитные заклинания были включены.

Когда Мо Сяюнь активировал последнюю печать, он провёл большим пальцем правой руки по указательному, и капля крови выстрелила в символы печати, растворившись в них.

По сравнению с предыдущими тридцатью двумя печатями, последнее действие Мо Сяюня не вызвало у Цзи Уя особого интереса. Знатные семьи всегда делали акцент на кровных узлах, и чем древнее был род, тем большее значение придавалось крови. Эта печать, вероятно, служила для проверки, является ли человек прямым потомком семьи.

Цзи Уя был уверен, что, будучи старшим сыном Мо Сяюня, он также смог бы активировать эту печать.

Как только печати были сняты, казалось, что невидимая рука медленно отодвинула ворота внутрь. Когда они полностью открылись, Мо Сяюнь вошёл первым.

За ним последовали Цзи Уя и Чу Тянью, а затем старейшины семьи и Мо Синфэн.

Внутри храма горели масляные лампы, сделанные из жира и духов рыб. Эти лампы могли гореть сто лет, не угасая. В центре стояли таблички с именами предков семьи Мо.

— Двести семьдесят третий глава семьи Мо, Мо Сяюнь, вместе с членами совета старейшин, старшим сыном и невесткой, приветствуют предков.

Мо Сяюнь первым опустился на колени, за ним последовали все остальные.

После трёх поклонов Мо Сяюнь поднялся.

Цзи Уя, вставая, почувствовал лёгкое головокружение и слегка пошатнулся. Он понял, что переоценил возможности этого тела.

К его удивлению, Чу Тянью протянул руку, чтобы поддержать его.

— Благодарю, супруга.

Цзи Уя взглянул на него с лёгкой улыбкой и слегка похлопал по руке Чу Тянью.

Как он и ожидал, Чу Тянью быстро отдернул руку, словно его коснулось что-то грязное. Улыбка Цзи Уя стала шире. Эти маленькие реакции были просто забавны.

Если бы не время и место, он бы с удовольствием продолжил дразнить свою супругу. Но, услышав голос Мо Сяюня, он с сожалением отвлёкся.

Мо Сяюнь открыл родовую книгу и с добротой посмотрел на них. В руке он держал керамическую чернильницу размером с ладонь, из которой исходил лёгкий аромат застывших чернил.

— Капните кровь в чернила.

Чу Тянью молча поднял руку и сделал небольшой надрез на пальце. Несколько капель крови упали в чернильницу.

Как только кровь коснулась застывших чернил, они растворились, превратившись в жидкость чёрного цвета с красными прожилками. Мо Сяюнь взмахнул рукой, и жидкость превратилась в три иероглифа, которые появились в родовой книге.

Имя Чу Тянью оказалось прямо под именем Мо Чанфэна, и чёрно-красные иероглифы ясно указывали на его статус.

— Чанфэн.

Мо Сяюнь с удовлетворением закрыл книгу и позвал его.

— Что прикажете, отец.

— Раньше ты всегда говорил, что из-за слабости здоровья не можешь стать наследником, но сейчас ты выглядишь лучше и женился на Тянью.

— Хотя ты ещё не достиг совершеннолетия, но больше не можешь оставаться в Павильоне Внемлющего Журавлю, ничего не делая.

— Ты старший сын и прямой наследник семьи Мо, и место наследника принадлежит тебе. После того как проводишь Тянью на третий день после свадьбы, отправляйся к дяде Мо и наверстай всё, что упустил за эти годы.

Мо Сяюнь произнёс это в присутствии старейшин и Мо Синфэна, чтобы подчеркнуть свою позицию.

У него был только один старший сын, и наследником мог быть только Мо Чанфэн. Остальным следовало забыть о любых планах.

Цзи Уя не ожидал, что Мо Сяюнь скажет такое. Он, который собирался уйти, не мог согласиться на то, что привяжет его к семье Мо.

— Отец, я знаю своё состояние. Давайте обсудим это после совершеннолетия.

Цзи Уя сделал вид, что горько улыбается.

— Лекарь Цянь говорил, что моё тело вряд ли доживёт до двадцати лет, а месяц назад я даже... Состояние то улучшается, то ухудшается, и вопрос наследника слишком важен. Пожалуйста, обдумайте это ещё раз.

Цзи Уя просто врал. С его постепенно улучшающимся состоянием он мог бы прожить сто лет, даже не занимаясь культивацией.

Но Мо Сяюнь не знал этого. Услышав слова Мо Чанфэна, он подумал, что тот уже смирился с судьбой и отказался от жизни.

Чу Тянью, услышав слова Мо Чанфэна, также вспомнил, что его «муж» был слаб здоровьем и месяц назад чуть не умер. Сейчас он выглядел лучше, но, возможно, это был лишь временный подъём. Он едва мог ходить, а вставая с колен, чувствовал головокружение. Кто знает, когда он испустит дух.

Наследник Дао чувствовал, что так думать неправильно, но факты говорили сами за себя.

Остальные старейшины, которые ранее согласились с Мо Сяюнем, теперь, услышав слова Мо Чанфэна, также начали сомневаться.

Что касается Мо Синфэна, который почти не проявлял себя, он не имел права голоса и стоял в углу, опустив голову, погружённый в свои мысли.

— Глава семьи, я считаю, что Чанфэн прав.

Старейший из старейшин, одетый в чёрные одежды, спокойно сказал.

— Старейшина, что вы предлагаете?

Мо Сяюнь нахмурился, но был вынужден продолжить разговор.

Он мог игнорировать слова других старейшин, но старейший старейшина занимал в семье Мо второе место после него самого, а в некоторых вопросах даже превосходил его.

— Я считаю, что сейчас, когда состояние Чанфэна улучшилось, ему следует сосредоточиться на восстановлении. Мы можем назначить его наследником через два года, когда он достигнет совершеннолетия.

Старейшина погладил свою длинную бороду.

Мо Сяюнь нахмурился, явно не желая соглашаться.

— Отец, моё тело действительно... *кашель*... не подходит для роли наследника... *кашель*.

Цзи Уя не упустил возможности воспользоваться этим предложением, кашлянув несколько раз и сделав вид, что бледен.

— Ладно, ладно, ты всегда был равнодушен к таким вещам.

Мо Сяюнь вздохнул и отказался от этой затеи.

— Остальные могут выйти, Чанфэн и Тянью останутся.

— Хорошо, глава семьи.

— Хорошо, отец.

Мо Синфэн и старейшины поклонились и покинули храм, понимая, что их присутствие больше

не требуется.

Когда все вышли, ворота храма закрылись, и внутри остались только Мо Сяюнь, Цзи Уя и Чу Тянью.

— Следуйте за мной.

Мо Сяюнь прошёл вперёд, обошел таблички с именами предков и жестом показал им идти за ним.

Цзи Уя не понимал намерений Мо Сяюня, но сейчас он и Чу Тянью не могли задавать вопросы и просто последовали за ним.

Когда перед ними внезапно исчезла стена, открыв тёмный проход, Мо Сяюнь взял лампу и повёл их внутрь.

В родовом храме оказалась потайная комната? Цзи Уя, увидев это, попытался вспомнить, но был уверен, что в памяти Мо Чанфэна такого не было.

Если сам Мо Чанфэн не знал об этом, то почему сейчас ему показывают это? Лестница вела вниз, и в темноте приходилось внимательно смотреть под ноги.

Дверь позади них закрылась, и свет полностью исчез. Цзи Уя инстинктивно протянул руку, чтобы поддержать Чу Тянью.

Но он схватил пустоту. Цзи Уя спокойно убрал руку, улыбнувшись. Он чуть не забыл, что характер его супруги теперь отличался от прежнего «Чу Тянью».

Чу Тянью, отставший на полшага, незаметно отодвинулся, избегая прикосновения, и с холодным выражением лица продолжал идти, стараясь не дать себя снова схватить.

Они прошли недалеко, когда Мо Сяюнь остановился.

<http://bllate.org/book/15414/1363156>